

своего времени, с теми изменениями, которые претерпевало в это время изобразительное искусство. Должно быть учтено также культурное общение Руси этого времени с южнославянскими странами и Византией. Проблема очень широка и может быть решена только в совокупности всех своих сторон.

На одном наблюдении мне всё же хотелось бы остановиться.

Структура человеческого образа в XII—XIII веках была теснейшим образом связана с иерархическим устройством класса феодалов. Люди расценивались по их положению на лестнице отношений внутри феодального класса. Каждый из изображаемых людей был прежде всего представителем социального положения, своего места в феодальном обществе.¹ Его поступки рассматривались прежде всего с этой точки зрения.

Новая структура человеческого образа в известной мере демонстрирует идейный кризис феодальной иерархии, характерный для конца XIV—XV века. Самостоятельность и устойчивость каждой из ступеней иерархии были поколеблены. Центроостремительные силы начинали действовать все сильнее, развивалось условное держание землей, на сцену выступали представители будущего дворянства. Всё это если и не вызвало, то во всяком случае облегчило появление новых художественных методов в изображении человека, по самому существу своему никак не связанного уже теперь с иерархией феодалов. Государству нужны были люди, до конца преданные ему, — личные качества их выступали на первый план. На первый план выступали такие качества, как преданность, ревность к делу, убежденность.

Вместе с тем союз государства и церкви способствовал оцерковлению литературы.

* * *

Что же было исторически прогрессивного в развитии художественного метода изображения человека в конце XIV—XV века?

Изображение человека не отделимо от всего стиля житейной литературы конца XIV—XV века. Литературное движение этого времени рассматривалось обычно в литературоведении только с его внешней стороны. Оно определялось как «риторико-панегирическое», сводилось лишь к «украшенности и пышности» стиля. Даже рассматриваемое в этом узком плане литературное движение вело к обогащению лексики (к развитию синонимии, созданию новых слов с отвлеченными значениями и т. д.), к усложнению синтаксиса и т. д. Однако явления художественной формы этого времени гораздо шире. Они, в частности, касаются, как это мы видели, и внутренней структуры образа человека. В области изображения людей новым и прогрессивным явилось первое проникновение во внутреннюю жизнь человека, пристальное внимание к различного рода душевным движениям, открывавшее собой возможность накопления уже конкретных наблюдений над психологией человека.

Абстрактность в изображении человека была непоследовательной. Она никогда не могла быть полной и должна была хотя бы частично прибегать к фактам, но если в летописных изображениях XII—XIII веков абстрактность опиралась на факты внешнего положения человека в иерархии феодального общества, то в житейной литературе XIV—XV веков

¹ См. подробнее: Д. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв., стр. 8.